

УДК 821.111-3

**«A CHRISTMAS CAROL IN PROSE» Ч. ДИККЕНСА
КАК CHRISTMAS CAROL**

Н. А. Корзина

Филиал Государственной академии славянской культуры в Твери
кафедра теории и истории культуры

В статье рассматриваются способы реализации потенциала жанра *carol* в произведении Ч. Диккенса «A Christmas Carol in Prose» с целью уточнения его смыслов, особенностей структуры, жанровой природы и углубления понимания принципов «рождественской философии» писателя.

Ключевые слова: *christmas carol, жанр, заголовочный комплекс, «рождественская философия» Ч. Диккенса.*

«A Christmas Carol in Prose» Диккенса, как безусловно выдающееся произведение, получило многостороннее освещение в диккенсоведении, но, с другой стороны, именно в силу своей совершенно невероятной художественной и смысловой притягательности оно остается во многом загадочным явлением.

Главная проблема состоит в определении жанровой природы «A Christmas Carol in Prose». О том, что это было очень важно для самого автора, можно судить по тому удивительному факту, что Диккенс практически трижды обозначает жанр произведения: в заглавии всего цикла – «Christmas Books», в названии его первого текста – «A Christmas Carol in Prose» и в подзаголовке к нему – «A Ghost Story of Christmas». Как известно, заглавие стоит в самой сильной позиции любого текста, служа основным ключом к пониманию произведения.

«Books» в заголовке цикла может быть понято и как название цикла, и как определение его жанра. Самое простое объяснение – это общее название для пяти литературных произведений, объединенных рождественской темой. Но «Book» – это и «Библия» (Bible). В сочетании с «Christmas» эта лексема начинает наполняться особым смыслом, причём специфически диккенсовским: ведь именно Диккенсу суждено было этим циклом положить начало особой национальной традиции празднования Рождества, утверждения неповторимой английской атмосферы этого торжества. С лёгкой руки Диккенса во времена викторианской Англии сложился своеобразный канон рождественских праздников с обязательными индейкой, пуншем и пудингом на столе, пылающим камином, подарками и семейным весельем, хождением по гостям с поздравлениями и созданием удивительной обстановки тепла, уюта, благожелательности и всепрощения. Неслучайно американский исследователь творчества Диккенса Пол Дэвис называет «A Christmas Carol in Prose» «рождественской Библией», «социальным Евангелием», «светским Священным Писанием» [7, р. 9]. И это не только метафора: по словам В. Толмачева, «не получив религиозного воспитания, не будучи набожным, Диккенс рос в религиозном обществе и принадлежал “середине”, тем, кто в семейном кругу читает, комментирует от себя Книгу (Библию) в переводе короля Иакова, отмечает главный христиан-

ский праздник (в Англии – Рождество), а также морально вдохновляется примером Христа – Его добротой, любовью к “малым сим”» [5]. Думается, не случайно, что Диккенс, в художественном языке которого немало библеизмов, а также отсылок к известным сценам Священного Писания, является автором книги для детей «Жизнь нашего Господа» («The Life of Our Lord», 1846–1849, публ. 1934)» [5]. Диккенс создает поэтическую Библию Рождества, находящуюся в соответствии с созданной им «рождественской философией» в ее английской версии. Таким образом, в заглавии цикла просматривается несколько уровней – и литературно-художественный, и ритуально-рождественский, и символический.

Общепризнанно Диккенс считается родоначальником жанра рождественского рассказа. И дело не только в том, что в 1843 году он опубликовал первое произведение в этом роде – «A Christmas Carol in Prose», которое вызвало нескончаемый поток подобных историй в литературах всех европейских народов, включая русскую словесность, но и в том, что он создал образец жанра, которому свойственны определенные признаки. К их числу принадлежит идея духовного преображения заблудшего героя, сбившегося с пути христианских ценностей, обязательное наличие фантастики и рождественского чуда. Жанровый подзаголовок «A Ghost Story of Christmas» указывает на все эти особенности нового вида литературы: здесь есть Духи Рождества, а значит, есть тайна, предчувствие необычайных приключений, фантастика, особая атмосфера рождественского чуда, то есть всё то, что составит канон рождественского рассказа (*story*).

И всё-таки главная загадка этого произведения Диккенса связана с его заглавием – «A Christmas Carol in Prose», которое имеет все основания считаться и жанровым определением произведения или, как минимум, стать весьма существенным уточнением его жанровой природы. Совершенно очевидно, что «A Christmas Carol in Prose» несет на себе двойную нагрузку, являясь одновременно и заглавием, и обозначением жанра или являясь жанровой составляющей, существенно влияющей на проявление важных смыслов произведения.

Дело в том, что кэрл многолика и многообразна, а во многом таинственна, так как, несмотря на свою распространенность и популярность, остается жанром с весьма ещё неопределённой историей, во многом противоречивой и смутной. Существует много версий происхождения кэрл. Согласно одним, он является средневековым жанром романского, французского происхождения, и в истоках своих был он цепочечным танцем с пением, который назывался – *carole* (кароль / карола) [4]. Другие утверждают, что в XII веке он распространяется в Англии как рождественское песнопение, очень близкое по своей структуре и содержанию к французским рождественским песням *Noel* (ноэль) [8]. Представления о дальнейшей судьбе кэрл расходятся: одни говорят о его фольклорной природе, другие – о духовном, клерикальном, книжном бытовании, третьи – о промежуточном положении между фольклорной и профессиональной песней и о двойственном происхождении [1, с. 6]. Но, как бы то ни было, кэрл становится тем жанром, без которого не мыслилось английское Рождество. До XV века он использовался в церковных церемониях в виде псалма или гимна, а после английской буржуазной революции О. Кромвель запретил их использование в церковных службах. Связано это с тем, что кэрл принадлежал к паралитургическим музыкально-текстовым формам, то есть близким по стилю богослужебным текстам, но не каноническим, не библейским, а новосочиненным. Результатом этого изгнания кэрл из храма стала его вторая – народная жизнь, он используется как одна из форм реализации практик народного благоче-

ствия. В английских сёлах, а затем и в городах популярным становится *caroling* или *wassailing*, то есть колядование, обычай, который характерен для святочной поры по всей Европе. Во время знаменитых двенадцати рождественских дней (*Christmastide* или *Yuletide*, то есть святок) ходили по домам христославы (*waits*) или кэрлисты (*carolists*), распевали кэролс и получали от хозяев дары. В кэролс воспеваются сияние звезды над Вифлеемом, рождение Христа, который пришел в мир людей, чтобы помочь им преодолеть зло и пороки, дьявольские козни, обрести праведный путь в жизни. Кэрол строится по типу баллады или песни, имеющей куплетно-припевную форму. Но самым главным отличительным признаком кэрол является науэлл (*nowell*) в припеве, то есть повторяющееся торжественное восклицание, крик радости по поводу праздника в честь рождения Христа.

К тому времени, когда Диккенс писал свои «Christmas Books», кэролс в основном использовались как незамысловатые, простосердечные колядки (*kaljadki*), а не церковные гимны (*anthem, hymn*). Точного перевода понятия «carol» на русский язык добиться достаточно сложно. Связано это с тем, что обозначаемое этим словом явление может быть переведено и как песня, и как песнь, и как гимн, и как колядка. В какой-то степени это объясняется, по словам Е.А. Лазорской, «стилевым плюрализмом» протестантской культуры, в которой не было строго определенного канона [3, с. 18]. Кэролс, несмотря на свою паралитургическую природу, могли исполняться и в храмах, но все-таки очень сильно отличались от церковных гимнов или хоралов, имевших иную структуру, место в литургии и основной пафос. В славянской традиции церковные гимны принято называть «песнями». Но повесть Диккенса в очень малой степени сопряжена с клерикальной традицией. Автора как-то очень мало интересует эта сторона Рождества. Даже упоминая об обязательном праздничном благовесте, призывающем лондонцев в храм, Диккенс тут же перебивает себя рассказом о другой, для него более важной стороне Рождества – о праздничной суете горожан, заботящихся в большей мере о праздничном столе: «Но вот благовестили на колокольне, призывая всех добрых людей в храм божий, и веселая, празднично разодетая толпа повалила по улицам. И тут же изо всех переулков и закоулков потекло множество народу: это бедняки несли своих рождественских гусей и уток в пекарни» [2, с. 39]. Светский дух произведения исключает возможность использования понятий «гимн» и «песнь», но исключает и возможность использования термина «песня», так как у англичан существует два вида рождественских песнопений – «Christmas carol» и «Christmas song», причем последние – позднего происхождения и в большей степени воспевают встречу Нового года, насыщены новогодней атрибутикой и тематикой. В силу того, что термин «колядка» имеет славянские коннотации, то наиболее корректным, как представляется, следует считать использование термина «кэрол», который наделен неповторимой «английскостью» и является самым адекватным выражением существа явления. Поэтому заглавие «Рождественская кэрол в прозе» кажется более точным в возможности передачи сути содержания и его соответствия форме, так же как это совершенно естественно при использовании терминов «ода», «элегия», «мадригал», «роман» и т.д., понятных без перевода и дополнительных комментариев. В кэролс по-своему выражалась народная мудрость, воплощалось нравственно здоровое отношение к миру простых людей, их надежды и чаяния в связи с великим праздником Рождества. Именно так и строится диккенсовская «A Christmas Carol in Prose».

В своей кэрол Диккенс воссоздает смыслы, логику и поэзию одной из самых знаменитых английских колядок – «God bless you, merry gentleman! May nothing you

dismay!» Это вариант анонимной кэрол, больше известной сейчас под названием «God rest ye merry, gentlemen». Как заметил Уильям Студуэлл, кэрол «God rest ye merry, gentlemen» – это самая рождественская кэрол из всех Рождественских Кэрол, действительно самая выдающаяся по своим достоинствам. Эбенизер Скрудж мог бы избежать приключений той опасной ночью и спастись, если бы он внял этим словам, когда впервые услышал их [10, p. 87].

Студуэлл также отметил, что Диккенс выбрал эту исключительную песню очень точно, так как «никакая иная кэрол не имела более сильного культурного влияния на Лондон и на Англию в целом, чем это духовное произведение, которое нарушило брюзгливое уединение Скруджа». Студуэлл считает, что Лондон и его христославы были, вероятно, источником этого гимна в XVI веке [10, p. 90]. Джошуа Сильвестр в 1861 году писал, что «это, пожалуй, самая любимая среди всех кэролс, которые сейчас поют на Рождество. Мелодия бесхитростная и жалостная, и, кажется, задевает за живое такие струны народной души, которые более искусные композиции задеть не могут» [11, p. 126]. По свидетельству А.Х. Буллена, в 1885 году это была «самая популярная колядка» [11, p. 201].

Уильям Хон, создавший «Описание древних мистерий» (1823), дал такое восприятие этой кэрол: «Мелодия “God rest ye merry, gentlemen” доставляла наслаждение мне в детстве, и я с удовольствием прислушивался к трепещущей вечерней песне кэрюлиста около чистых кухонных окон, украшенных остролистом, ярко вспыхивающий огонь виднелся в побелённом очаге, мерцание света отражалось на поверхности кухонного шкафа с утварью» [9].

Эта кэрол и ее вариант «God bless you, merry gentleman!», возникнув в XVI веке, исполнялись по всей Англии, имели множество вариантов как стихов, так и мелодий. Но все-таки есть два почти канонических варианта, распевающихся до сих пор, мелодически и словесно не во всем совпадающих друг с другом, но очень близких, которые принято называть «мелодия “Лондон” – это “God rest ye, merry gentleman!”», и «мелодия “Корнуолл” – это “God bless you, merry gentleman!”». Вот ее-то и использовал в своей повести Диккенс. Она состоит из четырех строф и имеет традиционный сюжет – историю о том, как пастухи с умилением через бурю и шторм пришли к пещере, где застали на соломе новорожденного Бога и его мать, молившуюся над сыном. Главы «A Christmas Carol in Prose» Диккенс называет строфами (*staves*), что тоже указывает на связь с рождественской кэрол, имеющей строфическую структуру.

В первую строфу автор вводит текст этой колядки, изображая маленького христослава, пропевшего в замочную скважину двери конторы Скруджа её первые стихи. Кэрол становится смысловым и интонационным камертоном всего произведения. Она утверждает столь дорогие сердцу Диккенса принципы рождественской философии и рождественской психологии, основанные на благожелательности, милосердии, вере в лучшее, надежде на преображение человека, который найдет счастье в единении с любящими его, который оставит добрый след в сердцах и жизнях других людей. Кэрол контрапунктом проходит через все произведение и становится его композиционной осью. Возникнув в произведении в первый раз, кэрол звучит диссонансом с тем миром, которым живёт скряга Скрудж, но постепенно основные его мотивы начинают звучать в унисон с настроениями пробуждающегося к подлинной жизни Скруджа. Заканчивается «A Christmas Carol in Prose», почти дословно повторяя строки старого кэрол: «God bless Us, Every One!» [2, с. 109].

«A Christmas Carol in Prose» строится в соответствии с древней структурой кэрол как цепочечного танца в сопровождении музыки и пения: это сменяющиеся

друг друга сцены, как звенья цепочки событий, которые движутся с невероятной быстротой. Так происходит общение Скруджа с Духами Рождества, показывающими ему калейдоскоп картин его жизни.

Вся «A Christmas Carol in Prose» состоит из череды повествовательных эпизодов, которые, как в кэрл, прославляются своеобразными «припевами»-рефренами, прославляющими Рождество, которое дает возможность человечеству осознать важность и нетленность высших человеческих ценностей – любви, семьи, преданности, бескорыстия.

Эпизоды повести, которые выполняют функцию этих «припевов», всегда связаны с мгновениями счастья, которые переживает Скрудж, путешествующий с Духами Прошлого и Настоящего Рождества. Диккенс прибегает к форме стихотворений в прозе, к белому стиху, используя в прозе весь арсенал лирики, обилие разных типов повторов – многосоюзие, анафоры, стыки, в результате чего начинается удивительная трансформация эпоса в кэрл. Иногда Диккенс щедро нанизывает такие фрагменты на канву очередного «счастливого» эпизода, создавая череду сменяющих друг друга веселых песен. Особенно богат на кэрлизацию эпизод рождественского бала у Физзиуиггов, где Диккенс меняет темп пять раз, создавая все новые «куплеты»: «**In came** a fiddler with a music-book, and went up to the lofty desk, and made an orchestra of it, and tuned like fifty stomach-aches. **In came** Mrs. Fezziwig, one vast substantial smile. **In came** the three Miss Fezziwigs, beaming and lovable. **In came** the six young followers whose hearts they broke. **In came** all the young men and women employed in the business. **In came** the housemaid, with her cousin, the baker. **In came** the cook, with her brother's particular friend, the milkman. **In came** the boy from over the way, who was suspected of not having board enough from his master <...> **In they** all came, one after another; **some** shyly, **some** boldly, **some** gracefully, **some** awkwardly, **some** pushing, **some** pulling <...> Away they all went, twenty couple at once; hands half round **and back again** the other way; down the middle **and up again**; round and round in various stages of affectionate grouping; **old top couple** always turning up in the wrong place; **new top couple** starting off again, as soon as they got there; **all top couples** at last, and not a bottom one to help them! <...> **There were more dances**, and **there were forfeits**, and **more dances**, and **there was cake**, and **there was negus**, and **there was a great piece of cold Roast**, and **there was a great piece of cold Boiled**, and **there were mince-pies**, and plenty of beer» [2, с. 200].

Диккенс прославляет Рождество в его домашнем, светском, а не клерикальном значении. Для него первостепенны ценности семейного очага, единения близких людей, состояния душевного и домашнего комфорта как уюта, покоя и радости. И, видимо, не случайно лейтмотивом «A Christmas Carol in Prose» становится «God bless you, merry gentleman!», потому что именно в этой версии знаменитой кэрл есть куплет, свидетельствующий о том, что это настоящая колядка – с приветствием хозяина и хозяйки, их деток, друзей и близких, с пожеланием им счастливого Рождества и Нового года:

God bless the Master of this house
And Misteress also;
God bless the little children,
That round the table go;
God bless their friends and kindred,
That come from far and near.

Науэллом этой кэрл являются важные для писателя понятия: «Which brings tidings of comfort and joy, / Joy and joy, / Which brings tidings of comfort and joy!»

Этот припев эмоционально и идейно очень точно соответствует смыслу повести: весть об утешении и радости получают все герои «A Christmas Carol in Prose». Среди значений слова *comfort* есть и «утешение», и «уют». Для мира диккенсовского произведения второе значение особенно актуально: в нем прославлено тепло и уют домашнего очага, которые особенно остро ощущаются именно рождественской ночью. Ещё Г. Честертон отметил, что главный пафос «Christmas Books» состоит в утверждении идеи душевного тепла и комфорта: «...идеал семейного уюта принадлежит англичанам, он принадлежит Рождеству, более того, он принадлежит Диккенсу» [6, р. 118]. Эту главную мысль формулирует малютка Фэн, сестра Скруджа, будущая мать его племянника Фреда: «Home, for good and all. Home, forever and ever <...> ...home's like Heaven!» [2, с. 211].

Конечно, Диккенс не мог ставить перед собой цели каким-то образом пересказывать сюжет колядки, но он передал ее дух и заветный смысл: важность возрождения души, преодоления заблуждений, обретения праведного пути. Мотив пути становится ведущим и в обеих версиях кэрл, и в повести Диккенса. В начале ее сказано, что Скрудж совершал свой жизненный путь в полном одиночестве и все сторонились его, никто не осмеливался попросить его указать дорогу, потому что это была неверная дорога. Племянник тоже говорит дяде Скруджу, что нельзя сторониться людей и что у всех должен быть общий путь чести, долга, совести, милосердия и единения: «...if they really were fellow-passengers to the grave, and not another race of creatures bound on other journey» [2, с. 105]. В четвертой строфе Скрудж пытается узнать у Духа Будущего, можно ли еще изменить свой путь, ступить на правильную дорогу и тем самым искупить свои грехи и ошибки. Дух указывает ему на его могильный камень. Этот момент оказывается кульминационным в повести. Здесь Скрудж понимает неумолимость неизбежного конца, а что еще важнее – бесславность конца человека, прожившего жизнь неправильно, шедшего не тем путем, не оставившего после себя следа. Диккенс сравнивал бессердечного Скруджа с кремнем. Теперь он стоял у камня на своей могиле, и ему нужно было принять главное решение о том, какой путь выбрать дальше. Скрудж выбирает путь милосердия, любви и рождается вновь. Здесь и раскрывается потенциал данного ему Диккенсом имени: Ebenezer или Авен-Езер в буквальном смысле в переводе с еврейского – «камень помощи», ветхозаветный топоним, обозначающий камень, воздвигнутый Самуилом между Массифой и Сенем в честь победы над филистимлянами. Возможно, камень был назван так по месту прежнего поражения израильтян, чтобы заявить о том, что после бывшего поражения пришла победа. Такой же мертвец, как и Марли, умерший в сочельник, Эбенизер Скрудж рождается в Рождество. Поэтому «he knew what path lay straight before him, and he took it» [2, с. 229]. Таким образом, центральный мотив кэрл «God bless you, merry gentleman!» становится и главным смысловым мотивом повести Диккенса, имеющей многие признаки и черты этого рождественского жанра.

Список литературы

1. Андреева М.А. История английской музыки // Музыкальная культура и искусство Великобритании : учебно-методический комплекс. Ч. 4. Павловск, 2013. 91 с.
2. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. Святочный рассказ с привидениями / Пер. Т. Озерской. М. : Радуга, 2004. 240 с.

3. Лазорская Е.А. Творчество В.И. Мартынова в контексте отечественного духовно-музыкального искусства // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 3(5). С. 17–21.
4. Скорнякова Н. Средневековье: Танцы средневековья. Пространственные построения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hda.org.ru/lib/33>. (Дата обращения: 29.01.2015.)
5. Толмачёв В.М. Чарлз Диккенс и его «Рождественская песнь в прозе» // Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/6110.htm>. (Дата обращения: 29.01.2015.)
6. Chesterton G.K. Charles Dickens the Last of the Great Men. New York, 1942. 236 p.
7. Davis P. The Lives and Times of Ebenezer Scrooge. London, 1990. 283 p.
8. God Rest You Merry, Gentlemen – Notes [Электронный ресурс]. URL: http://www.hymnsandcarolsofchristmas.com/Хymns_and_Carols/Notes_On_Carols/god_rest_you_merry_notes.htm. (Дата обращения: 02.02.2015.)
9. Hone W. Ancient Mysteries Described [Электронный ресурс]. URL: http://www.hymnsandcarolsofchristmas.com/Хymns_and_Carols/Notes_On_Carols/god_rest_you_merry_notes.htm. (Дата обращения: 02.02.2015.)
10. Studwell W. The Christmas Carol Reader. New York : Harrington Park Press, 1995. 254 p.
11. Sylvester J. Christmas Carols, Ancient and Modern. New York, 1901. 354 p.

“A CHRISTMAS CAROL” BY CH. DICKENS AS A CHRISTMAS CAROL

N.A. Korzina

State Academy of Slavic Culture Branch
Culture History and Theory Department

The article considers some ways of carol genre in “A Christmas Carol in Prose” by Ch. Dickens with the aim of precisising its concepts, architecture features and deepening the writer’s “Christmas philosophy” principles understanding.

Key words: *Christmas carol, genre, headline type, the writer’s “Christmas philosophy” principles.*

Об авторе:

КОРЗИНА Нина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории культуры филиала Государственной академии славянской культуры в г. Твери (170100, Тверь, Студенческий пер., д. 11а), e-mail: frau.korzina2011@yandex.ru.